

ЗНАМЕНИТЫЕ ФАМИЛИИ ДИБУНОВ

В наше время муниципальное образование поселок Песочный объединяет две исторические местности, расположенные вокруг железнодорожных станций, – Песочной и Дибуны. Хотя сто десять лет назад эти поселения были самостоятельными точками на географической карте, их развитие началось практически одновременно. Как считает краевед поселка Любовь Федоровна Бронзова, история Дибунов в чем-то незаслуженно забыта и находится несколько в тени славы Песочного. А между тем, Дибунам есть чем гордиться, и главное богатство любого города или поселка – это, конечно, люди. И сегодня в Дибунах стоят дома – настоящие памятники северного модерна, отчасти переделанные, известных семей, живших неподалеку друг от друга на сегодняшней улице Карла Маркса, – Колоколовых и Флугов. Любовь Федоровна считает, что на доме Колоколова – ровеснике поселка – давно уже пора повесить мемориальную табличку: «Здесь жил Николай Александрович Колоколов – один из первых жителей Дибунов и благородный меценат». Статский советник был попечителем Дибуновской школы, председателем Графско-Дибуновского пожарного общества и Общества благоустройства дачной местности «Дыбунь». Ну, а семейство Флугов прославил, наверно, в веках, внук хозяина усадьбы – знаменитый российский художник Илья Глазунов.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК ФЛУГ – ДЕД ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

В детстве я много слышал о нашем загородном доме на станции Дибуны недалеко от Куоккалы, где жил Илья Ефимович Репин. Тетя Ася каждый день ездила на поезде в Петербург в гимназию и часто в вагоне оказывалась вместе с Леонидом Андреевым, который, сидя напротив и видя смущение гимназистки, любил подмигивать ей. Он был любимцем публики, очень красив и статен. Помнила она и Илью Ефимовича Репина, тоже спешащего в Петербург на поезде из Куоккалы. Многие иронизировали над тем, что многочисленные гости Репина и Нордман-Северовой «разносили» все съестные припасы в буфете на станции в Куоккала, потому что никто не мог есть сенных котлеток, приготовлявшихся в доме Нордман-Северовой. Имя Репина было окружено

ореолом, и аура великой славы постоянно сопутствовала ему. Помнила моя тетя, как на Каменноостровском мосту, что идет от Марсова поля, Иоанн Кронштадтский силой взгляда останавливал идущую с революционным лозунгом толпу. И толпа пятилась. Великим подвижником и государственным деятелем был о. Иоанн, родившийся на далеком приволье русского Севера и ставший духовником русского царя. На его могиле была устроена свалка, и какое счастье, что ныне он причислен к лику святых и православная жизнь снова возродилась там, где царил мерзость запустения...

ДРУЖБА ДИБУНОВСКИХ СОСЕДЕЙ

Задолго до революции семья Колоколовых имела дачу напротив нашей, флуговской, в поселке Дибуны. Несмотря на разницу в возрасте, Ольга Николаевна, или, как ее называли, «Конек», очень

дружила с моей матерью, которая и дала ей это прозвище за энергию и преданность в выполнении дружеских поручений и просьб. Всю мою жизнь, а мне уже немало лет, я помню нестарелую, небольшого роста, хрупкую, с благородным и умным лицом петербургскую дворянку, чудом сохранившуюся в вихрях истории послеоктябрьского периода. Я помню ее, когда она приходила к нам накануне войны, и помню, как, вернувшись из эвакуации, у своей тети, Агнессы Константиновны, снова увидел неменяющуюся Олечку, чудом пережившую и ужасы блокады. Когда я стал учеником средней художественной школы, а потом студентом института имени И. Репина, я часто встречал ее на симфонических концертах в Филармонии. Она обожала Мравинского, глубоко и тонко разбиралась в произведениях великих композиторов. И я запомнил на одном из концертов ее лицо,

Семья Флугов в Дибунах

скорбное, со взглядом, словно ушедшим в себя.

Мы говорили с ней в тот раз у белораморных колонн бывшего здания Дворянского собрания, которое после Октябрьского переворота стало называться концертным залом Ленинградской филармонии. Взяв меня за руку, она сказала: «Когда я говорю с тобой, я будто общаюсь с Олей и Сережей; у тебя верхняя часть лица и глаза Сережины, а рот и овал лица – Олины. Мы с тобой оба так одиноки – и я понимаю, почему ты, как и я, так любишь музыку. Музыка – это дух, она разрушает одиночество, дает успокоение памяти прошлого и силы жить и верить в будущее».

Помню, как однажды в белую ночь после концерта Н.Рахлина мы шли с ней пешком мимо Михайловского замка по Марсову полю, поднялись на мост, построенный императорским архитектором Леонтием Бенуа (братом Александра Бенуа, моего любимого

певца Петербурга и великого знатока искусства, равного которому не знала история). В волшебном мареве ночей, которые превращают в мираж и грезу образ великого города, где вот уже сколько веков на шпигеле Петропавловской крепости трубят победу России ангел, а Нева меняет свои краски – словно палитра неведомого художника, – случилось, что «Конек» стала мне рассказывать о первых днях революции, о том, как мой дедушка К. К. Флуг умер от голода. Как грабили Дибуны, и по рисункам Павла Федотова ходили солдатские сапоги, а портрет кисти Лампи, изображающий моего предка, был разорван штыком.

Прошло много лет, и совсем недавно, в 1991 году, мы с «Коньком», моим сыном и дочерью (Ваней и Верой) и друзьями поехали в Дибуны, «на старое пепелище», как заметила она.

Из книги Ильи Глазунова
«Распятая Россия»